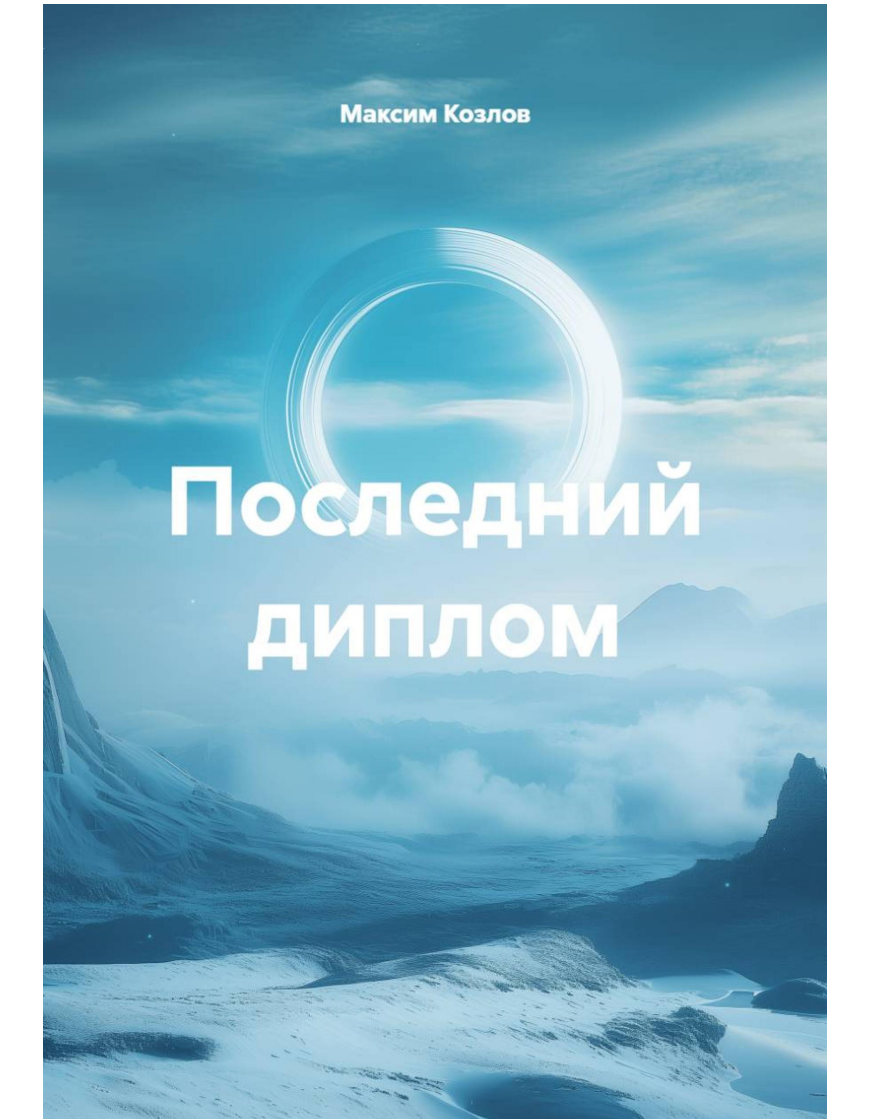

Максим Козлов

The background of the cover is a monochromatic blue-toned landscape. In the foreground, there are rolling hills and a small body of water. The middle ground shows a valley with a river or stream, and the background features a range of mountains under a sky with wispy clouds. A large, glowing, multi-layered circular ring is positioned in the upper center of the image, partially overlapping the sky and the mountains.

Последний диплом

Максим Козлов

Последний диплом

<https://litres.ru/74123068>

SelfPub; 2026

Аннотация

2029 год. Университеты закрываются один за другим. Искусственный интеллект выигрывает суды, ставит диагнозы, пишет код быстрее человека. Образование больше не нужно — нужны только короткие профессиональные модули, после которых ты умеешь одно действие, как робот. Человеку остаются уборка, уход за стариками и обслуживание серверов.

Антон Павлович — последний профессор философии в последнем университете на планете. У него шесть студентов, и никто из них не понимает, зачем им задавать вопросы «Зачем?», «Почему?», «Что такое хорошо?». Один уйдет чинить сервера, другой — в виртуальную реальность, третий — на пособие. Останется одна девушка, которая хочет найти смысл в мире, где всё уже сделано за нас.

«Последний диплом» — это история о том, что делает человека человеком, когда машины умнее, быстрее и эффективнее его. Книга, после которой вы либо начнете ценить свое образование, либо пойдете переучиваться на сантехника — пока роботы не научились чинить унитазаы.

Содержание

Аудитория с высокими потолками	4
Тени на стене	24
Свойства души	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Максим Козлов

Последний диплом

Аудитория с высокими потолками

Здание было старым. Каменные стены помнили дождь и время. Внутри пахло сыростью и книжной пылью, и еще чем-то, что уже не производят. Профессор Антон Павлович стоял у окна и смотрел во двор. Во дворе росли липы. Их посадили сто лет назад, когда университет только построили. Теперь липы болели. Их стволы покрылись мхом, а ветки сохли. Никто не приходил их лечить, потому что садовника уволили три года назад. Содержать садовника было экономически нецелесообразно.

Антон Павлович курил. Он знал, что это вредно, но ему было шестьдесят восемь лет и он не видел смысла бросать. Дым поднимался к высокому потолку и растворялся в трещинах лепнины. Лепнина осыпалась. Маленькие кусочки гипса лежали на полу у плинтусов, и уборщица, которая приходила раз в неделю, сметала их в совок без всякого почтения. Когда-то эта лепнина считалась произведением искусства. Теперь это был просто мусор.

Он повернулся к аудитории. Шесть человек сидели за длинными столами. Столы были исцарапаны. На одном кто-

то вырезал слово «тоска» ножом, и буквы потемнели от времени. Студенты не смотрели на профессора. Один смотрел в планшет. Второй спал, положив голову на скрещенные руки. Третий рисовал что-то в блокноте — не конспект, просто узоры. Еще двое сидели с пустыми лицами, глядя в одну точку где-то над доской. И только одна девушка смотрела прямо на него. Она сидела на первом ряду и теребила ручку. Ручка была дешевая, пластиковая, с обгрызенным колпачком.

— Сегодня мы поговорим о Сократе, — сказал профессор.

Голос его звучал глухо. Аудитория была рассчитана на двести человек, и звук терялся в пустоте, как будто слова падали в колодезь. Раньше здесь сидели студенты на подоконниках, стояли в проходах, записывали каждое слово. Теперь эхо возвращало ему его же фразу, и она звучала насмешкой.

Парень с планшетом поднял голову.

— А зачем?

— Что зачем?

— Зачем нам Сократ? Он умер две с половиной тысячи лет назад. Сейчас двадцать девятый год. Искусственный интеллект выигрывает дела в суде, ставит диагнозы, пишет программы. А вы говорите про какого-то грека, который ничего не умел.

Профессор помолчал. Он взял мел. Мел был настоящий, меловой, такие уже не делают, потому что везде маркерные доски и голографические панели. Но в этой аудитории оста-

лась старая доска, и Антон Павлович принципиально писал на ней от руки. Мел крошился, пачкал пальцы белым, и это было приятно.

— Сократ тоже ничего не умел, — сказал он наконец. — Он не умел строить дома. Не умел лечить. Не умел судиться. Он только задавал вопросы. И его убили за это.

— Вот видите, — парень усмехнулся. — Убили. Потому что толку от вопросов нет. Толк есть от ответов. Искусственный интеллект дает ответы. За секунду. На любой вопрос. А вопросы только отнимают время. Вы сами сказали — его убили. Значит, он был неправ.

— Его убили не потому, что он был неправ. Его убили потому, что его вопросы были неудобны. Люди не любят неудобные вопросы. Они любят удобные ответы. Поэтому им нравится искусственный интеллект. Он говорит то, что они хотят услышать.

Парень отложил планшет. Видно было, что он раздражен. Его звали Кирилл. Ему было двадцать лет. Он носил толстовку с капюшоном и смотрел на мир исподлобья, как человек, который знает, что его обманывают, но не понимает, в чем именно состоит обман.

— Я пойду чинить сервера, — сказал он. — Мне не нужна философия. Сервера ломаются каждый день. Охлаждение выходит из строя. Платы перегорают. Кабели окисляются. Этому надо учиться. А Сократ сервер не починит.

— Сервер починит искусственный интеллект, — тихо от-

ветил профессор. — Уже сейчас он диагностирует неисправности быстрее человека. Еще год-два — и сервера будут чинить себя сами. Или другие сервера. И ты останешься без работы.

— Тогда я пойду на пособие, — сказал второй студент. Его звали Денис. Он был полный, с рыхлым лицом и руками без мозолей. — Искусственный интеллект производит всё, что нужно. Еду синтезирует. Одежду печатает на принтерах. Жилье строит. Зачем работать? Буду получать базовый доход и жить. Играть в игры. Смотреть видео.

— И это всё? — спросил профессор.

— А что еще нужно?

— Смысл.

— Смысл придумывают те, у кого нет денег на нормальную жизнь. Когда у тебя есть дом, еда, развлечения — какой еще смысл? Это у вас, стариков, смысл. А у нас жизнь. Мы не хотим умирать на работе ради какой-то идеи. Мы хотим жить спокойно.

Профессор посмотрел на Дениса. У того были мутные глаза. Не пьяные — просто мутные, как вода в луже. Он много времени проводил в виртуальной реальности, это было видно. Кожа бледная, под глазами круги, пальцы дрожат — то ли от недостатка движения, то ли от стимуляторов, которыми пользовались геймеры, чтобы не спать по трое суток.

— А что ты будешь делать, когда игры надоедят? — спросил профессор.

— Игры не надоедают. Их делает искусственный интеллект. Он подстраивает их под тебя. Ты заходишь — и там всё, что ты хочешь. Ты король. Ты воин. Ты маг. Ты проживаешь тысячу жизней. А здесь ты никто. Здесь ты сидишь в пыльной аудитории и слушаешь про мертвого грека. Где лучше?

Третий студент поднял руку. Это был тот, что рисовал узоры. Его звали Максим. Худой, с длинными волосами, собранными в хвост. Он говорил редко, но когда говорил, его слушали.

— Я хочу уйти в виртуальность насовсем, — сказал он. — Уже есть технология полного погружения. Нейроинтерфейс. Ты лежишься в капсулу, подключаешься, и всё. Твое тело живет в питательном растворе, а сознание — в мире, который ты сам выбрал. Там я могу быть кем угодно. Там нет боли. Нет болезней. Нет смерти. Зачем возвращаться?

— Потому что ты человек, — сказал профессор.

— А что такое человек? — Максим смотрел серьезно, без вызова. Ему действительно было интересно. — Биологический организм. Мешок с костями и жидкостями. Электрические импульсы в мозгу. Всё это можно воспроизвести. Уже воспроизводят. Сознание — это просто информация. Информацию можно скопировать. Загрузить в облако. Жить вечно. Человек — устаревшая модель. Мы — последнее поколение, которое еще носит тела. Наши дети будут жить в серверах.

— И будут ли они людьми?

— А какая разница? Они будут счастливы. Они не будут страдать. Страндание — это баг биологической эволюции. Мы его исправим.

Антон Павлович сел на стул. Стул скрипнул. Он был деревянный, с вытертым сиденьем, и профессор помнил, как на нем сидел его собственный учитель сорок лет назад. Тогда аудитория была полна. Студенты курили в коридорах, спорили до хрипоты, влюблялись, пьянствовали, писали стихи. Они были живыми. От них пахло потом, духами, дешевым табаком. Они оставляли на партах записки, чернильные кляксы, следы губной помады. Теперь здесь пахло только пылью.

— Я расскажу вам одну историю, — сказал он.

Студенты переглянулись. Историй они не любили. Истории длинные, а они привыкли к коротким роликам по тридцать секунд. Но девушка на первом ряду отложила ручку и приготовилась слушать. Ее звали Алиса. У нее были светлые волосы, стриженные коротко, и глаза такого цвета, какой бывает у неба в ноябре — серые с голубизной, которая вот-вот исчезнет. Она всегда слушала. Она почти никогда не задавала вопросов, но ее молчание было внимательным, оно впитывало слова, как сухая земля впитывает воду.

— Когда Сократа судили, — начал профессор, — ему предъявили два обвинения. Развращение молодежи и неверие в богов. Он мог оправдаться. Мог попросить прощения. Мог предложить штраф. Вместо этого он сказал, что афи-

няне должны назначить ему пожизненный обед за государственный счет, потому что он принес им пользу. Это было оскорбление суда. Его приговорили к смерти.

— Он был дурак, — сказал Кирилл. — Если бы у него был адвокат-ИИ, он бы выиграл дело. ИИ выигрывает девяносто пять процентов дел. Он просчитывает все варианты. А Сократ просчитался. Потому что полагался на эмоции, а не на логику.

— Сократ не хотел выигрывать, — сказал профессор. — Он хотел остаться собой. Ему предложили бежать. Друзья подкупили стражу. Дверь тюрьмы была открыта. Он отказался. Знаешь почему?

— Потому что был старый и больной. Какая разница, где умирать?

— Ему было семьдесят. Он был здоров. Он мог прожить еще много лет. Но он сказал: «Лучше умереть, чем предать то, во что веришь». Он выпил яд. Цикуту. Своими руками. И до последней минуты говорил с учениками. О душе. О бессмертии. О том, что важно.

В аудитории стало тихо. Даже Денис перестал ковырять в носу и поднял глаза. Было слышно, как ветер шевелит листья лип за окном. Окна были высокие, в деревянных рамах, и стекла дребезжали.

— Он умер за свои вопросы, — сказал профессор. — Потому что вопросы — это единственное, что делает нас людьми. Животные не спрашивают «зачем». Они просто жи-

вут. Искусственный интеллект не спрашивает «почему». Он просто считает. Только человек может спросить: «Почему я живу? Зачем я здесь? Что такое хорошо?» И если мы перестанем задавать эти вопросы, мы перестанем быть людьми. Станем животными. Или машинами. Что, впрочем, одно и то же.

— Но смысл-то в чем? — спросил Денис. — Вот вы говорите — вопросы. А ответы есть? Если есть ответы, почему вы их не даете? Если нет — зачем спрашивать?

— Ответов нет, — сказал профессор. — Вернее, есть, но у каждого они свои. Философия не дает ответов. Она учит жить без готовых ответов. Учит не бояться неизвестности. Потому что жизнь — это и есть неизвестность. А когда тебе на всё дают готовые ответы, ты перестаешь жить. Ты становишься функцией.

— Ну и ладно, — сказал Кирилл. — Функция получает зарплату. У функции есть определенность. Я знаю, что завтра пойду на работу, заменю плату в сервере, получу деньги, куплю еду. И так пять дней в неделю. А в выходные буду пить пиво и смотреть футбол. Меня это устраивает. Какие вопросы? Какие «зачем»? Просто жизнь.

— Ты говоришь как машина, — тихо произнесла Алиса. Все повернулись к ней. Она редко говорила, и ее голос прозвучал неожиданно, как звук капли, упавшей в тишине.

— Ты перечисляешь действия, — продолжала она. — Работа, еда, пиво, футбол. Это программа. Алгоритм. А где ты

сам? Где то, ради чего ты встаешь утром?

— Утром я встаю, чтобы пойти в туалет, — усмехнулся Кирилл. — Потом пью кофе. Это достаточная причина. Мне не нужны высокие смыслы. Высокие смыслы придумали те, у кого желудок был полон, а делать было нечего. Крестьянин в поле не спрашивал про смысл жизни. Он пахал. И был счастлив.

— Крестьянин пел песни, — сказал профессор. — Он рассказывал сказки. Он ходил в церковь. Он верил в бога. У него была душа. А у тебя?

Кирилл замолчал. Он снова взял планшет и стал листать что-то, делая вид, что потерял интерес. Но пальцы его двигались слишком быстро, и он не читал — просто водил по экрану, чтобы чем-то занять руки.

Максим подался вперед.

— Вы говорите о душе. Но душу не обнаружил ни один прибор. Это абстракция. Как и смысл. Мы просто сложные биороботы, у которых есть иллюзия свободы воли. Скоро искусственный интеллект превзойдет нас во всем. Тогда мы станем не нужны. Как лошади после изобретения автомобиля. Лошадей, кстати, тоже кто-то любил. Кто-то говорил, что у них есть душа. Но их заменили. Теперь лошади — дорогое хобби для богатых. И мы станем дорогим хобби. Или исчезнем. Эволюция.

— Эволюция — это не замена одного другим, — профессор встал и начал ходить вдоль доски. Мел крошился у него

в пальцах, оставляя белые следы на пиджаке. Пиджак был старый, с заплатками на локтях. Настоящими, а не декоративными. Анна, его жена, пришивала их еще при жизни. Она умерла пять лет назад. Рак. ИИ-диагност нашел опухоль на той стадии, когда лечить было уже поздно, а человеческий врач мог бы найти раньше, но человеческих врачей к тому времени почти не осталось — зачем, если ИИ точнее? Точнее, но не человечнее. ИИ точно поставил диагноз, а потом точно сказал, сколько ей осталось. Три месяца. Она прожила два с половиной. ИИ ошибся на две недели, но эта ошибка ничего не значила.

— Эволюция — это усложнение, — продолжил он, остановившись. — А не упрощение. Амеба проще червя. Червь проще рыбы. Рыба проще обезьяны. Обезьяна проще человека. Человек проще... мы не знаем, кого. Может быть, никого. Может быть, мы тупиковая ветвь. Но если мы согласимся стать проще, если мы согласимся быть просто функциями, просто исполнителями, просто потребителями — мы пойдем вспять. Мы станем амебами. Искусственный интеллект в этом сценарии — не продолжение эволюции. Это ее конец. Потому что он не спрашивает «зачем». Он не создает смыслы. Он только оптимизирует процессы.

— И что в этом плохого? — спросил Денис. — Пусть оптимизирует. Будет меньше страданий.

— Будет меньше жизни. Страдание — это часть жизни. Ты не можешь убрать страдание, не убрав радость. Они как

две стороны одной монеты. Если ты отключаешь боль, ты отключаешь и удовольствие. Остается ровное, серое ничто. Как у тебя в глазах.

Денис отвел взгляд. Профессор попал в точку, и все это поняли.

Занятие закончилось в два часа. Раньше пары длились полтора часа, но теперь администрация сократила их до часа — незачем тратить время, студенты всё равно не усваивают больше. Администрация состояла из одного человека — декана, которого никто не видел уже полгода. Он присылал распоряжения по электронной почте, и они приходили ровно в полночь, как будто их генерировала программа. Может, так и было.

Студенты вышли в коридор. Их шаги гулко отдавались под сводами. Коридор был длинный, с колоннами, и на стенах висели портреты профессоров, которые здесь когда-то преподавали. Портреты были пыльные. Стекла потрескались. На одном кто-то нарисовал усы маркером, и никто не стер.

Алиса задержалась. Она подошла к профессору, который собирал свои бумаги. Бумаг было мало — несколько листов с заметками, старый конспект, пожелтевший по краям. Он писал от руки, потому что не доверял облачным хранилищам. Облака принадлежали корпорациям, а корпорации могли отключить доступ в любой момент.

— Можно вопрос? — спросила она.

— Спрашивай.

— Вы правда верите в то, что говорите? Или просто пытаетесь нас убедить?

Профессор посмотрел на нее. Она стояла, сунув руки в карманы джинсов, и смотрела прямо, не мигая. Так смотрят дети, которые еще не научились врать.

— Я не знаю, — сказал он. — Я не знаю, верю ли я. Но я знаю, что если перестану это говорить, то перестану существовать. Я как тот самый Сократ. Я не могу иначе. Это не вопрос веры. Это вопрос идентичности. Я — это то, что я говорю. Если я замолчу, меня не станет.

— А если то, что вы говорите, никому не нужно?

— Значит, меня не станет вместе с моими словами. Но пока есть хоть один человек, который слушает, я буду говорить.

— Я слушаю, — сказала Алиса.

— Я знаю. Поэтому я еще здесь.

Она ушла, и ее шаги стихли в конце коридора. Профессор остался один. Он сложил бумаги в портфель, застегнул пряжку — портфель был кожаный, потертый, купленный еще в Берлине на конференции в две тысячи одиннадцатом. С тех пор многое изменилось. Берлин теперь был другим. Конференции теперь проводили в виртуальных пространствах. Портфель остался прежним.

Он вышел в город. Город был тихий. Слишком тихий для буднего дня. Раньше здесь гудели машины, спешили люди,

орали торговцы. Теперь машины ездили бесшумно, на электричестве, и управляли ими автопилоты. Торговцев не было — всё доставляли дроны, бесшумные коробки, скользящие по воздуху. Людей на улицах осталось мало. Одни работали из дома, другие не работали вовсе, третьи не выходили из капсул виртуальной реальности. Город казался декорацией к фильму, который уже закончился.

Антон Павлович шел пешком. Он принципиально не пользовался беспилотным такси, хотя это было дешево. Ему нужно было движение. Нужно было чувствовать землю под ногами, ветер на лице, боль в коленях — правое ныло к дождю. Боль напоминала, что он жив.

Он прошел мимо закрытого кафе, где когда-то пил кофе с коллегами. Теперь там был пункт выдачи синтезированной еды — безликая комната с ячейками, как на почте. Мимо библиотеки, где книги заменили на терминалы доступа к базам данных. Мимо больницы, где пациентов принимал голографический врач. Профессор помнил эти места другими. Он помнил их живыми.

У своего дома он остановился. Дом был старый, кирпичный, с облупившейся штукатуркой. В подъезде пахло кошками и подгоревшим луком. Лифт не работал уже год — никто не чинил, жильцы не жаловались, все привыкли ходить пешком. Он поднялся на четвертый этаж, открыл дверь своим ключом.

В квартире было темно. Он зажег свет — лампочка миг-

нула и загорелась неровным желтым светом. На столе стояла фотография жены. Рядом — чашка с недопитым чаем. Чай был вчерашний, с пленкой на поверхности. Он не стал его выливать. Сел на стул, достал бумаги, начал готовиться к завтрашней лекции.

Тема: Платон. Миф о пещере.

Люди сидят в пещере и видят только тени на стене. Они думают, что тени — это реальность. А реальность снаружи, на солнце, но они не хотят выходить, потому что солнце слепит глаза. Им удобно в темноте. Тени понятны. Тени не задают вопросов. Тени не требуют усилий.

Он писал и думал о том, что его студенты — это и есть люди в пещере. Только тени теперь показывают не костры, а экраны. И пещера стала глобальной. И солнце больше никому не нужно.

За окном стемнело. Он не заметил как. Время текло иначе, когда он работал. Часы на стене показывали девять, но он не верил часам. Часы могли врать. Врать могло всё, кроме запаха пыли и скрипа половиц под ногами.

Он лег спать в одиннадцать. Сон не шел. Он лежал и слушал, как ветер раскачивает липы во дворе. Ветки скребли по стеклу, как ногти. Он думал об Алисе. О ее вопросе. О том, что она слушает. О том, что завтра снова надо будет говорить, хотя слов почти не осталось.

Потом он вспомнил, как сорок лет назад стоял в этой же аудитории, но по другую сторону кафедры. Молодой, с бо-

родой, в свитере грубой вязки. Его учитель, профессор Левинсон, читал лекцию о Канте. И аудитория была полна. И девушка на первом ряду смотрела на него, а не на лектора. Ее звали Анна. Они поженились через год. Прожили вместе тридцать шесть лет. Детей не было — Анна не могла, а медицина тогда еще не умела то, что умеет теперь. Теперь медицина умеет всё, но Анны нет.

Он заснул под утро. Ему снилась пещера. Только он был не узником. Он был тем, кто вышел наружу и ослеп от солнца. Он стоял на краю и кричал тем, кто остался внутри: «Выходите! Здесь свет!» Но они не слышали. Они смотрели на тени, и тени были красивыми, яркими, трехмерными, с объемным звуком и обратной связью. А солнце было просто солнцем. Белым пятном в небе. Ничего особенного.

Утром он проснулся от стука в дверь. За окном моросил дождь. Он накинул халат, подошел, глянул в глазок. На лестничной клетке стоял декан. Живой, настоящий, в плаще, с которого капала вода. Лицо у него было такое, будто он пришел сообщить о смерти.

Профессор открыл дверь.

— Антон Павлович, — сказал декан. Голос у него был сухой, как прошлогодние листья. — Университет закрывают. Через месяц. Вы последний.

— Я знаю, — сказал профессор.

— Нет, вы не поняли. Вы последний профессор в последнем университете на планете. Больше нигде нет. Вообще. В

Гарварде — онлайн-курсы для миллиардеров. В Оксфорде — музей. В МГУ — коворкинг для стартапов. А вы — последний. Через месяц вы станете никем. И я стану никем. И всё это, — он обвел рукой лестничную клетку, подъезд, город за окном, — всё это станет историей. Которую никто не прочитает.

— Я дочитаю курс, — сказал профессор. — У меня шесть студентов. Одна слушает. Я должен дочитать.

— Читайте, — декан пожал плечами. — Кому это теперь мешает.

Он ушел. Его шаги стихли на лестнице. Профессор закрыл дверь и прислонился лбом к холодному дереву. Он стоял так минуту, две, три. Потом выпрямился, умылся ледяной водой, сварил кофе в турке — настоящий, не синтезированный, зерна еще оставались в жестянке на полке — и пошел в университет. Тема сегодняшней лекции: этика. Что такое хорошо и что такое плохо. И почему без этого вопроса человек перестает быть человеком.

Дождь усилился. Он шел под зонтом, старым, с погнутой спицей, и думал о том, что Платон тоже никого не убедил. Его Академия просуществовала девятьсот лет, но в итоге ее закрыли. И Сократа убили. И Аристотеля изгнали. И Канта не поняли. И никто никогда не понимал, и никто никогда не будет понимать, но говорить всё равно надо. Потому что пока говоришь — ты жив. А когда замолчишь — тебя нет. Даже если ты еще дышишь.

Он вошел в аудиторию. Студенты уже сидели. Их было пятеро. Шестое место пустовало. Профессор посмотрел на часы. Пять минут третьего. Он подождал еще пять минут. Никто не пришел. Кирилл смотрел в планшет. Денис спал. Максим рисовал. Еще двое смотрели в пустоту. Алиса сидела на первом ряду и теребила ручку с обгрызенным колпачком.

— Начнем, — сказал профессор. — Сегодня мы поговорим о добре и зле. Есть ли они вообще. И кто это решает.

— ИИ решает, — пробормотал Кирилл, не поднимая головы. — У него алгоритмы этики. Он знает, как лучше.

— Лучше для кого?

— Для всех.

— А если для всех лучше — убить одного?

— Значит, убьет. Математика.

— Это не этика. Это арифметика. Этика начинается там, где математика заканчивается. Там, где нет правильного ответа. Там, где надо выбирать между плохим и очень плохим. Искусственный интеллект не выбирает. Он считает. А человек — выбирает. В этом разница. В этом вся разница.

Он взял мел и начал писать на доске. Буквы получались неровными, мел крошился. За окном шумел дождь. Алиса смотрела на буквы. Она не записывала — она запоминала. Она всегда запоминала, и профессор это знал. Это давало ему силы.

Он писал и говорил. Слова падали в тишину. Тишина бы-

ла глубокая, как вода в колоде. Но он бросал в нее слова, как камни, и ждал кругов на воде. Круги расходились. Он их видел. Больше никто не видел.

Лекция закончилась в три. Студенты ушли. Алиса задержалась.

— Профессор, — сказала она. — Я хочу понять.

— Что именно?

— Зачем жить. Если всё уже сделано за нас. Если ИИ умнее, быстрее, точнее. Если миром правят алгоритмы, а не люди. Если мы больше не нужны. Зачем тогда жить? В чем смысл?

Профессор посмотрел на нее. У нее были глаза цвета ноябрьского неба. Серые с голубизной, которая вот-вот исчезнет. Но пока не исчезла. Пока держалась.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я знаю, что этот вопрос стоит того, чтобы его задать. И если ты готова искать ответ — я помогу. Я расскажу тебе всё, что знаю. Всё, что прочитал. Всё, что передумал за сорок лет. Это немного. Это крохи. Но больше у меня ничего нет.

— Мне этого хватит, — сказала она. — Я хочу найти смысл. Или хотя бы понять, почему его нет.

— Это уже философия, — профессор улыбнулся. Улыбка получилась усталой, но настоящей. — Ты уже на правильном пути.

Она кивнула и вышла. Он остался один в пустой аудитории. Дождь за окном кончился. Солнце пробилось сквозь ту-

чи и осветило пыльный воздух, и в этом свете танцевали пылинки. Танцевали красиво, как будто у них был смысл. Как будто они знали что-то, чего не знал никто.

Профессор собрал бумаги, застегнул портфель, вышел в коридор. Портреты на стенах смотрели на него. Ему показалось, что они кивают. Или это просто сквозняк колебал полотна. Он пошел к выходу.

У дверей стоял охранник. Вернее, не охранник, а автоматическая система с камерой и динамиком. Она пискнула, считывая его пропуск. Пропуск был действителен до конца месяца. Профессор вышел на улицу. Солнце светило ярко. Мокрый асфальт блестел. Липы во дворе роняли капли.

Он постоял немного, щурясь от света. Потом медленно пошел домой. Завтра надо было готовить лекцию об Аристотеле. О душе. О том, что душа — это форма тела. Или тело — это форма души. Или что-то в этом роде. Он уже не помнил точно. Надо было перечитать конспект.

Дома он заварил чай. На этот раз свежий. Достал с полки толстый том в потрепанном переплете. Сел в кресло, положил книгу на колени. Книга пахла временем. Он открыл ее и начал читать.

За окном смеркалось. В городе зажигались огни. Где-то далеко гудели дроны. В соседней квартире играла музыка — что-то синтезированное, без слов, без мелодии, просто ритм. Профессор читал. Слова Аристотеля были написаны две тысячи триста лет назад, но они были живыми. Они шевели-

лись на странице, как муравьи. Они кусались.

Он читал до полуночи. Потом закрыл книгу, почистил зубы, лег в постель. Сон пришел быстро, без сновидений. Утром надо было вставать и идти в университет. Пока он еще был. Пока университет еще был. Пока был хоть один студент, который слушает.

Пока он сам еще был.

Тени на стене

Утро началось с тишины. Такой тишины, какая бывает только в домах, где больше никто не живет. Антон Павлович проснулся в шесть, по привычке, хотя лекция была назначена на десять. Будильник не звенел — он никогда не заводил будильник, тело само знало, когда вставать. Тело было старое и помнило тысячи утр, когда нужно было спешить в университет, бежать через заснеженный или мокрый двор, нести портфель с непроверенными студенческими работами.

Теперь спешить было некуда. Студенческих работ не было. Шесть человек не писали эссе, потому что профессор их не задавал. Он знал, что они не напишут. Вернее, напишут с помощью ИИ, и это будут идеально структурированные тексты без единой грамматической ошибки и без единой мысли. Мысль — это то, что возникает в процессе письма. Когда ты водишь рукой по бумаге, когда зачеркиваешь, когда рвешь лист и начинаешь заново. Когда мучаешься. ИИ не мучается. Поэтому он не мыслит. Он компилирует.

Профессор лежал и смотрел в потолок. На потолке была трещина. Она появилась прошлой зимой, когда коммунальщики отключили отопление на две недели — что-то сломалось в центральном тепловом пункте, а чинить было некому, специалисты уволились. Трещина шла от люстры к углу, извилистая, как река на карте. Антон Павлович иногда смотрел

на нее и думал, что она похожа на Волгу. Или на жизненный путь. Или просто на трещину.

Он встал. Суставы хрустнули. Это был неприятный звук, но привычный. Он сделал гимнастику — десять наклонов, десять приседаний, десять взмахов руками. Гимнастику он делал каждый день сорок лет, с тех пор как Анна сказала, что у него начинает расти живот. Живота не было до сих пор. Анны тоже.

Завтрак был простым. Овсянка на воде. Чай без сахара. Кусок черствого хлеба с маслом. Масло было настоящее, не спред, он покупал его на рынке у фермеров, которые еще держали коров. Таких фермеров осталось мало — синтезированные жиры были дешевле, и люди давно забыли вкус настоящего масла. Профессор не забыл. Он ел медленно, тщательно пережевывая, и думал о Платоне.

Платон утверждал, что мир, который мы видим, — не настоящий. Есть мир идей, вечных и совершенных, а наш мир — только его бледное отражение. Идея стола существует где-то там, в небесной области, а все столы на земле — лишь попытки приблизиться к этой идее, всегда несовершенные. Идея справедливости. Идея красоты. Идея любви. Мы никогда не видели настоящей любви, говорил Платон. Только ее тени. Но мы узнаем ее, когда встречаем, потому что наша душа помнит мир идей. Помнит с тех пор, как жила там до рождения.

Антон Павлович думал о том, что сказал бы Платон об

искусственном интеллекте. Наверное, он счел бы ИИ самой совершенной тенью. Тенью, которая убедительнее реальности. Тенью, в которую хочется верить больше, чем в солнце. И в этом была главная опасность.

Он допил чай, вымыл чашку, оделся. Сегодня он надел свитер — серый, с высоким горлом, тоже старый, с протертыми локтями. Сверху пиджак с заплатками. Шарф, который связала Анна в последнюю зиму. Она тогда уже знала, что умирает, и вязала молча, быстро, как будто боялась не успеть. Успела. Шарф получился длинным и теплым. Пах он почему-то лавандой, хотя никакой лаванды в доме не было.

В университет он пришел за час до лекции. Любил это время. Коридоры пустые, только где-то далеко гудит система вентиляции. Сторож-автомат пискнул, считывая пропуск. Лампы дневного света мерцали, и это мерцание создавало ощущение, что время идет рывками. Профессор открыл аудиторию своим ключом. Ключ был тяжелый, латунный, с бородкой сложной формы. Такие ключи делали в прошлом веке. Он вставил его в скважину, повернул, и замок щелкнул солидно, весомо, как будто запирает не дверь, а саму вечность.

В аудитории было холодно. Он включил обогреватель — старый масляный радиатор, который принес из дома, потому что центральное отопление в этом крыле не работало. Радиатор потрескивал, нагреваясь, и этот звук напоминал о детстве. В детстве у бабушки в деревне была такая же печь, толь-

ко дровяная. Он сидел у печи и читал книги при свете керосиновой лампы. Электричества тогда не было. Вернее, было, но часто отключали. Это было шестьдесят лет назад. Сейчас электричество не отключали никогда. Сейчас всё было иначе.

Он достал мел и начал писать на доске. Тема лекции: «Платон. Миф о пещере». Он писал медленно, стараясь, чтобы буквы были ровными. Это было трудно — мел крошился, доска была старая, в царапинах. Но он любил писать на доске. Любил физическое усилие, любил скрип мела, любил белые следы на пальцах. В этом было что-то настоящее.

Студенты начали собираться без десяти десять. Первым пришел Кирилл. Он вошел, не поздоровавшись, сел на свое обычное место у окна, достал планшет. Потом Денис, тяжело дыша — подниматься на третий этаж было для него испытанием. Потом Максим с блокнотом для рисования. Потом двое неразличимых, чьих имен профессор так и не запомнил. Они всегда сидели вместе, на последнем ряду, и почти не разговаривали. Может, они были близнецами. Может, просто похожими — стриженные налысо, в одинаковых темных куртках, с одинаковыми пустыми лицами.

Алиса пришла последней. Она вошла за минуту до начала, села на первый ряд, положила на стол потрепанный блокнот и ручку с обгрызенным колпачком. Профессор заметил, что блокнот уже наполовину исписан. Она записывала лекции. От руки. Это было странно и трогательно. Так уже никто не

делал.

— Сегодня мы поговорим о пещере, — начал он, когда стрелка часов перевалила за десять. — Платон написал об этом в седьмой книге «Государства». Представьте себе подземную пещеру. В ней с рождения сидят узники. Они прикованы цепями так, что не могут повернуть головы. Они видят только стену перед собой. Позади них горит костер. Между костром и узниками проходит дорога, а по ней носят разные предметы — статуи, вазы, фигурки животных. Тени от этих предметов падают на стену. Узники видят только тени. Они слышат голоса тех, кто несет предметы, но эхо в пещере искажает звук, и им кажется, что говорят сами тени. Это их мир. Их единственная реальность.

Кирилл хмыкнул.

— Глупые люди, — сказал он. — Неужели не могли догадаться, что это тени?

— Они никогда не видели ничего другого, — ответил профессор. — У них не было опыта света. Они не знали, что такое трехмерный объект. Их мозг не имел категорий для понимания того, что за тенью стоит что-то еще. Когда ты рождаешься в мире, где все смотрят на стену, ты даже не подозреваешь, что это стена. Ты думаешь, что это и есть мир.

— Но это же очевидно, — не унимался Кирилл. — Если бы я сидел в пещере, я бы повернулся. Разорвал бы цепи. Посмотрел бы, что сзади.

— Ты так думаешь, потому что ты свободен, — профес-

сор подошел к окну. За окном шел снег — первый в этом году. Крупные хлопья падали медленно, как в замедленной съемке. — Но ты не свободен. Ты точно так же прикован к своей реальности. Ты смотришь в экран планшета. Это твоя стена. Тени — это новости, видео, игры. Ты думаешь, что это мир. А то, что за экраном, — ты не видишь. И даже не подозреваешь, что там что-то есть.

Кирилл отложил планшет. Это был жест — не демонстративный, но заметный.

— Допустим, — сказал он. — Допустим, я узник. И что дальше? Что ваш Платон предлагает? Сломать цепи и выйти наружу? Там что, солнце? А может, там просто другая пещера? Может, свобода — это тоже иллюзия? Может, вообще ничего нет, кроме теней?

— Хороший вопрос, — профессор кивнул. — Платон как раз об этом. Он говорит, что один из узников освобождается. Не сам — кто-то его освобождает. Он встает, поворачивается, видит костер. Свет режет ему глаза. Ему больно. Он хочет вернуться обратно, к теням, потому что тени понятны, а свет — это страдание. Но его выводят наружу, под солнце. И там он постепенно привыкает. Сначала смотрит на отражения в воде. Потом на звезды ночью. Потом, наконец, на само солнце. И понимает: всё, что он считал реальностью, было жалкой копией. А настоящий мир — вот он. Огромный. Живой. Настоящий.

— И что он делает? — спросила Алиса.

— Он возвращается в пещеру. Чтобы рассказать другим. Чтобы освободить их.

— И они его слушают?

— Нет. Они смеются над ним. Они говорят: «Ты испортил себе зрение своим солнцем. Ты теперь даже теней не различаешь. Зачем нам такое зрение?» А если он пытается их освободить силой, они его убивают. Как убили Сократа. Того самого, о котором мы говорили на прошлой лекции.

В аудитории стало тихо. Радиатор потрескивал. Снег за окном всё падал, и двор становился белым. Денис, который, казалось, спал, вдруг подал голос:

— А может, они правы? Ну, те, кто в пещере. Им хорошо. У них есть свой мир. Они соревнуются, кто лучше различает тени. Они дают тени имена. У них есть игры — угадай, какая тень появится следующей. Зачем им солнце? Чтобы ослепнуть и мучиться? Может, философы просто завидуют, что люди могут быть счастливы без них?

— А ты счастлив? — спросил профессор.

Денис замялся. Он хотел сказать «да», но что-то его оставило. Может быть, честность, которая иногда просыпается в людях в самые неожиданные моменты.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — У меня есть всё, что нужно. Я не голоден. Мне есть где жить. Я играю в игры. Но счастье... Я не знаю, что это. Я не чувствую счастья. И не чувствую несчастья. Я просто... существую.

— Это потому, что ты смотришь на тени, — тихо сказал

профессор. — Тени не делают человека счастливым. Они просто занимают его внимание. Они отвлекают. Настоящее счастье — это когда ты стоишь под солнцем и чувствуешь его тепло на лице. Когда ты знаешь, кто ты и зачем. Когда у тебя есть смысл. Тени смысла не дают. Они дают только забвение.

Максим захлопнул блокнот. Звук получился резким, как выстрел. Все обернулись.

— А я хочу жить в пещере, — сказал он. — Вернее, я хочу сам создавать тени. Я учусь на дизайнера виртуальных миров. Я создаю реальности. Люди приходят туда и живут. Они счастливы там. Они любят, воюют, строят империи, умирают и воскресают. И всё это по-настоящему для них. Какая разница, что это тени? Эмоции настоящие. Адреналин настоящий. Любовь настоящая. Ваше солнце — это просто физический объект. Термоядерная реакция в вакууме. Что в нем такого особенного?

— Солнце — это не объект, — сказал профессор. — У Платона солнце — это метафора высшего блага. Источника всего сущего. Истины, красоты, справедливости. Того, что не придумано человеком, а существует само по себе. Искусственный мир, который ты создаешь, — он искусственный. Это слово происходит от слова «искусство». Искусство подражает природе. Но оно не природа. ИИ может написать симфонию, которая заставит тебя плакать. Но ты будешь плакать над тем, чего нет. Над алгоритмом. Над комбинацией звуковых волн, рассчитанной так, чтобы вызвать эмоциональную

реакцию. А эмоция настоящая. И в этом противоречие.

— Противоречие есть, — согласился Максим. — Но оно неразрешимо. И чем больше вы об этом думаете, тем больше страдаете. Я предлагаю просто принять: мира идей нет. Есть только информация. Если эмоция настоящая, а источник иллюзорен — какая разница? Результат один.

— Разница в том, что после иллюзии остается пустота. Ты выходишь из виртуального мира и понимаешь, что ты никто. Что твои победы ничего не стоят. Что твоя любовь была функцией. И тогда ты либо возвращаешься в иллюзию, либо ищешь настоящего. Но найти настоящее трудно. Оно требует усилий. А иллюзия — нет. Поэтому выбирают иллюзию.

Один из безымянных студентов на заднем ряду поднял руку. Профессор удивился — они никогда не задавали вопросов.

— Да?

— А если иллюзия станет полной? Если нельзя будет отличить виртуальность от реальности? Если тени станут трехмерными, с запахом, с осязанием, с обратной связью? Тогда какая разница, где жить? Солнце снаружи пещеры или солнце внутри симуляции — физика та же.

— Разница в том, — профессор оперся руками о кафедру, — что в симуляции солнце можно выключить. Настоящее солнце — нельзя. Реальность — это то, что остается, когда ты перестаешь в нее верить. А симуляция исчезает, как только отключается питание. Ты можешь быть королем в вирту-

альном мире. Но в любой момент админ может тебя забанить. Или сервер упадет. Или компания обанкротится. Ты отдаешь свою жизнь в чужие руки. В руки тех, кто пишет код. А они не философы. Они бизнесмены. Им нужно, чтобы ты потреблял. Не чтобы ты был счастлив. Чтобы ты потреблял.

— А в реальности? — спросила Алиса. — В реальности мы тоже зависим. От государства. От денег. От случайностей. От болезней. Где тут свобода?

— Свобода — в способности задавать вопросы. Свобода — это когда ты можешь посмотреть на тени и спросить: «А что их отбрасывает?» Машина не спрашивает. Животное не спрашивает. Человек спрашивает. Пока ты спрашиваешь — ты свободен. Даже если цепи на тебе. Даже если пещера глубокая. Даже если солнце снаружи такое яркое, что страшно смотреть.

Он взял мел и нарисовал на доске круг. Потом внутри него — другой круг. Потом внутри второго — третий.

— Это модель мира по Платону, — сказал он. — Внешний круг — мир идей. Вечный и неизменный. Средний круг — мир вещей, которые подражают идеям. Внутренний круг — мир изображений. Тени. Отражения. Копии копий. Мы живем во внутреннем круге. Но можем прорваться к среднему. А философы — те, кто пытается прорваться к внешнему.

— А есть доказательства, что внешний круг существует? — спросил Кирилл. — Может, это просто гипотеза? Может, Платон всё придумал?

— Доказательств нет, — сказал профессор. — Есть опыт. Опыт людей, которые выходили из пещеры. Не в прямом смысле — в духовном. Мистики, поэты, святые. Все они говорили одно и то же: есть что-то большее. Что-то, что нельзя описать словами. Но можно почувствовать. Платон называл это Благом. Христиане — Богом. Буддисты — Нирваной. Имена разные, суть одна. Реальность, которая превосходит нашу.

— А я думаю, что это просто галлюцинации, — сказал Кирилл. — Кислородное голодание мозга. Или височная эпилепсия. Достоевский был эпилептиком, и его религиозный опыт — это просто припадки. Наука это объяснила.

— Наука объяснила механизм, — профессор покачал головой. — Но не объяснила содержание. Ты можешь описать химический состав краски и структуру холста. Но ты не объяснишь, почему «Джоконда» прекрасна. Механизм — не ответ. Это просто другой уровень описания.

Снег за окном усилился. Двор уже был полностью белым, и липы стояли, как призраки, — черные стволы на белом фоне. Профессор посмотрел на часы. До конца лекции оставалось десять минут.

— Давайте вернемся к пещере, — сказал он. — Платон говорит, что узники не просто пассивно смотрят на тени. Они соревнуются. Они замечают закономерности. Кто лучше предскажет, какая тень появится следующей, тот получает уважение. Им кажется, что это знание. Но это знание о те-

нях. А не о реальных вещах. И вот что важно: сегодняшний искусственный интеллект — это чемпион по предсказанию теней. Он анализирует огромные массивы данных и находит паттерны. Он говорит: «Если появилась тень А, то через пять секунд появится тень Б». И он прав в девяносто девяти процентах случаев. Но он понятия не имеет, что такое настоящая вещь. Он знает только тени.

— И чем это плохо? — спросил Денис. — Если тени предсказуемы, в них можно жить. Мы так и живем. Прогноз погоды — тень. Курс валют — тень. Рекомендации фильмов — тень. Всё работает.

— Всё работает, пока система стабильна, — сказал профессор. — Но когда случается что-то, чего раньше не было, ИИ ошибается. Пандемия двадцатых годов — помните? Все прогнозы рухнули. Потому что модели были построены на прошлых данных. А прошлое перестало предсказывать будущее. И тогда понадобились люди, которые умеют думать. Не предсказывать — думать. Задавать вопросы. Искать новые пути. И таких людей почти не оказалось. Потому что тридцать лет образование учило не думать, а предсказывать тени.

— И что теперь? — спросила Алиса.

— Теперь — то, что мы имеем, — профессор развел руками. — Мир, в котором никто не хочет выходить из пещеры. Потому что солнце требует усилий. А тени — нет. Тени комфортны. Тени безопасны. Тени никогда не говорят тебе, что ты не прав.

Лекция закончилась. Студенты начали собираться. Кирилл взял планшет и вышел, не сказав ни слова. Денис протер глаза, зевнул и поплелся к двери. Максим задержался на секунду, глядя на рисунок на доске, потом покачал головой и вышел. Безымянные близнецы исчезли первыми — как будто растворились в воздухе.

Алиса осталась. Она подошла к доске и долго смотрела на круги.

— Вы говорили, что философ возвращается в пещеру, — сказала она. — Чтобы освободить других. Но его не слушают. Его высмеивают. Иногда убивают. Зачем он возвращается? Зачем вам это? Вы же знаете, что мы не выйдем.

Профессор сел на стул. Ноги гудели. Он стоял весь час, и теперь это давало о себе знать.

— Я не знаю, зачем, — сказал он. — Может быть, потому что я не могу иначе. Может быть, потому что, если есть хоть один шанс из тысячи, что кто-то выйдет, — это стоит того. Может быть, просто привычка. Я читаю лекции сорок лет. Я не умею не читать лекции.

— Но вы понимаете, что это безнадежно?

— Понимаю. Но безнадежность — это не причина останавливаться. Сократа приговорили к смерти. Он знал, что умрет. Знал, что его ученики разбегутся. Знал, что его имя опозорят. Он всё равно говорил. Потому что слова были важнее жизни. Я не Сократ. Я просто старый профессор в закрывающемся университете. Но пока я говорю, я жив. И по-

ка ты слушаешь — ты тоже.

Алиса долго молчала. Она стояла у доски, и снег за окном освещал ее лицо странным белым светом. Лицо у нее было бледное, с тонкими чертами, и в этом освещении казалось фарфоровым.

— Я боюсь, — сказала она наконец.

— Чего?

— Что вы правы. Что есть только тени. Что никакого солнца нет. Что Платон придумал красивую сказку, а мы в нее верим, потому что страшно не верить. Страшно думать, что всё бессмысленно. Что мы просто биомасса. Что наши чувства — химия. Что наши мысли — электричество. Что, когда мы умрем, ничего не останется.

— Это возможно, — сказал профессор.

— И как с этим жить?

— Никак. С этим не живут. С этим выживают. А живут с другим. С тем, что смысл есть. Даже если ты его не нашел. Даже если никогда не найдешь. Искать — уже смысл.

— А если я не найду?

— Значит, твой поиск и будет твоим ответом. Как у Сократа. Он не нашел истину. Он говорил: «Я знаю, что ничего не знаю». Но он искал. И его поиск изменил мир. Без него не было бы ни Платона, ни Аристотеля, ни всей европейской цивилизации. Хотя он не написал ни одной книги. Он просто ходил по Афинам и задавал вопросы. И ему хватило.

Алиса взяла свой блокнот, ручку. Потом вдруг сказала:

— Можно я останусь после лекций? Буду приходить. Вы будете мне рассказывать. Не по программе. А то, что считаете важным. Я хочу понять. Правда хочу.

Профессор почувствовал, как что-то дрогнуло в груди. Давно забытое чувство. Так бывает, когда после долгой зимы вдруг чувствуешь запах талого снега и понимаешь: будет весна. Не сейчас. Не скоро. Но будет.

— Хорошо, — сказал он. — Приходи. Я расскажу. У меня есть что рассказать.

Она ушла. Ее шаги стихли в коридоре. Профессор остался один. Он стер с доски круги, мел оставил белое облако, которое медленно осело на пол. Потом выключил обогреватель, собрал бумаги, запер аудиторию. Ключ повернулся в замке с тем же солидным звуком.

Он шел домой через заснеженный двор. Следы оставались на снегу — глубокие, четкие. Он думал о том, что завтра расскажет Алисе об Аристотеле. О том, как Аристотель спорил с Платоном. О том, что идеи не существуют отдельно от вещей — они внутри вещей. Стол не потому стол, что есть идея стола, а потому, что дерево приняло форму, удобную для еды и письма. Идея вырастает из материи. Душа — это способ существования тела. Не отдельная субстанция, а функция. Глаз видит — это его душа. Топор рубит — это его душа. Человек мыслит — это его душа. Без тела души нет.

Аристотель был практичнее Платона. Он не искал небесной истины. Он изучал то, что под рукой. Биологию, фи-

зику, политику. Его интересовал реальный мир. Но и он в итоге пришел к тому же: высшее счастье человека — в созерцании. В мышлении. В том, чтобы быть собой в самом полном смысле.

Профессор думал об этом и шел по снегу, и снег скрипел под ногами. Город был тихий. Только где-то далеко, за кварталами пустых домов, гудел автоматический завод. Он работал круглосуточно, без выходных, без перерывов на обед. Искусственный интеллект управлял конвейерами, которые собирали детали для других конвейеров. Петля обратной связи. Идеальный механизм, у которого нет цели, кроме самовоспроизводства. Идея машины, полностью реализованная.

Дома он сварил чай, сел к столу, открыл Аристотеля. Страницы были желтые, ломкие. Он читал при свете настольной лампы, и тени от чашки, от чернильницы, от стопки книг лежали на стенах. Тени. Платон был прав в одном: мы окружены тенями. Но Аристотель был прав в другом: тени что-то отбрасывают. И это что-то можно изучить. Можно потрогать. Можно понять.

Он читал допоздна. Потом посмотрел в окно. Снег перестал. Над городом висели звезды. Настоящие звезды, не виртуальные. Они мерцали, потому что атмосфера двигалась над крышами. Профессор смотрел на них и думал, что звезды — это тоже тени. Отражения термоядерных реакций в далеких галактиках. Но красиво. Чертовски красиво. И мо-

жет быть, этой красоты достаточно, чтобы жить.

Он лег спать. Завтра была еще одна лекция. Завтра приходила Алиса. Завтра он расскажет ей об Аристотеле. О том, что душа — это не то, что прячется внутри тела. Это то, что тело делает. И если тело ничего не делает, душа умирает раньше тела.

Он заснул быстро. Ему снился Аристотель. Старый грек в хитоне, с бородой, в которой запутались крошки хлеба. Он сидел на камне и препарировал морскую звезду. «Смотри, — говорил он. — У нее нет мозга. Но она движется. У нее есть цель. Значит, есть душа. Даже у звезды есть душа. А у того, кто смотрит только на тени, души нет. Потому что он не движется. Он ждет, пока тени накормят его».

Профессор проснулся в пять утра. За окном светало. Он лежал и думал о словах из сна. «Даже у звезды есть душа». Может, это и есть ответ. Может, душа — это не привилегия человека. Может, душа — это способность иметь цель. И тогда искусственный интеллект тоже может иметь душу. Если у него будет цель. Не заданная программой. А выбранная им самим. Но может ли он выбрать? Пока нет. Пока он только выполняет. А выполнение — это не жизнь.

Он встал, сделал гимнастику, сварил кофе. Сегодня он добавил в кофе ложку коньяка — было холодно, и что-то ныло в груди. Может, сердце. Может, просто возраст. Он не обращал внимания.

В университет он пришел раньше обычного. Сторож-авто-

мат пискнул. Коридоры были пусты. Он открыл аудиторию, включил обогреватель, взял мел.

Тема: «Аристотель. О душе».

Он написал это на доске и сел ждать студентов. До лекции оставался час. Он сидел и смотрел на доску, на белые буквы, на снег за окном, на липы, которые стояли неподвижно, как мертвые. Но он знал, что они живы. Просто спят. Как спит всё живое зимой. Чтобы проснуться весной.

Если будет весна.

Свойства души

Прошла неделя. За это время ничего не изменилось, и это было самым страшным. Мир за стенами университета продолжал двигаться по инерции, как вагон, отцепленный от поезда, — катится, замедляется, но еще не остановился. Антон Павлович приходил в аудиторию каждый день, хотя лекции были только три раза в неделю. В остальные дни он просто сидел там. Читал. Готовил заметки. Иногда просто смотрел в окно. Это было его место. Его пещера, из которой он пытался вывести других и в которой сам находил странное утешение.

Студенты приходили не все. Кирилл пропустил две лекции подряд — говорил, что нашел подработку, помогал таскать оборудование в серверной. Денис появлялся через раз, всегда сонный, с красными глазами, и профессор подозревал, что он не столько спит, сколько сидит в виртуальных играх до рассвета. Максим ходил исправно, но продолжал рисовать свои узоры, и профессор однажды заглянул в его блокнот. Там были лабиринты. Сложные, многоуровневые, с тупиками и петлями. Максим рисовал лабиринты, и в этом было что-то символическое. Безымянные близнецы с заднего ряда исчезли совсем — просто перестали приходить, и никто не знал, где они.

Алиса была на каждой лекции. Она садилась на первый ряд, доставала свой блокнот, исписанный уже на две трети, и

слушала. Иногда она оставалась после занятий, и они говорили. О Платоне. О Сократе. О том, что такое добро и почему знание не равно мудрости. Профессор рассказывал ей то, что не входило в программу. То, что он передумал за сорок лет. То, что не решался сказать полной аудитории, потому что это было слишком личное.

Сегодня должна была быть лекция об Аристотеле. Антон Павлович встал в шесть, выпил кофе, сделал гимнастику. Грудь болела. Последние дни боль появлялась все чаще — тупая, ноющая, под левой лопаткой. Он не обращал внимания. У него была работа. Через двадцать дней университет закрывался, и каждая лекция могла стать последней.

Он оделся теплее обычного — свитер, пиджак, шарф Анны. На улице был мороз. Снег, выпавший на прошлой неделе, не растаял, а слежался в серую корку, и дворники-автоматы посыпали его реагентами. Реагенты пахли химией. Профессор шел и думал, что раньше дворники были людьми. Они матерились, курили, гремели лопатами в пять утра. Теперь их заменили бесшумные машины, которые не матерились и не курили. Они просто делали свою работу. И это было удобно. Но что-то ушло вместе с дворниками. Что-то человеческое.

В аудитории было холодно. Он включил обогреватель, и тот затрещал, нагревая масло. Потом взял мел и написал на доске: «Аристотель. De Anima. О душе». Мел сегодня был особенно ломким. Он крошился, оставляя на доске неров-

ные белые линии. Профессор писал и думал о том, что «De Anima» — это, возможно, самая важная книга в истории человечества. Потому что в ней впервые был поставлен вопрос: что значит быть живым? И ответ был дан такой, что его не смогли опровергнуть две тысячи лет.

Студенты собрались к десяти. Кирилла не было. Денис пришел, но лег на скамью сразу же — сказал, что у него болит голова. Максим сел на свое место у окна и открыл блокнот. Алиса была на первом ряду. И еще пришел кто-то новый. Молодой человек лет двадцати, в очках с толстыми стеклами, с рюкзаком, набитым книгами. Он сел с краю, у двери, как будто готов был в любой момент убежать.

— У нас пополнение, — сказал профессор. — Представьтесь.

— Игорь, — сказал молодой человек. Голос у него был тихий, но твердый. — Я с факультета информатики. Ну, бывшего факультета. Нашего факультета больше нет, его расформировали. Но мне сказали, что здесь еще читают что-то настоящее. Я пришел послушать.

— Здесь читают философию, — сказал профессор. — Это не информатика. Здесь нет алгоритмов.

— Я знаю. Я устал от алгоритмов. Я хочу понять, что за ними стоит. Или не стоит. В любом случае — понять.

Профессор кивнул. Еще один. Уже двое, кто хочет понять. Может быть, это не так мало. Может быть, две тысячи лет назад у Аристотеля в Ликее было не больше слушателей.

— Хорошо. Сегодня мы говорим о душе. Аристотель написал трактат «О душе» в четвертом веке до нашей эры. Но прежде чем мы начнем, я хочу спросить у вас. Что такое душа? Вот вы, — он указал на Дениса. — Скажите. Что такое душа?

Денис приподнял голову. Вид у него был страдальческий.

— Душа — это то, что болит после пьянки, — сказал он.

— Или когда девушка бросает. Больно где-то внутри. Не в животе, не в голове. Где-то еще.

— Где?

— Не знаю. В груди, наверное. Там, где сердце.

— А если сердце пересадить? Душу тоже пересадят?

— Нет. Душа не в сердце. Она вообще не в органах. Она... ну, типа характера. То, что делает меня мной.

— Ближе, — профессор кивнул. — Аристотель сказал бы, что душа — это не часть тебя. Это то, что делает тебя живым. Не в биологическом смысле. В смысле того, что ты — это ты. Душа — это форма живого тела.

— Форма? — переспросил Максим. — Как геометрическая фигура?

— Нет. Форма в философском смысле. Это то, что определяет сущность вещи. Возьмем стол. Материя стола — дерево. Форма стола — то, что делает его столом, а не просто куском дерева. Если стол сломать, форма исчезнет, но материя останется. Так же и с человеком. Тело — материя. Душа — форма. Когда человек умирает, душа покидает тело. Тело

остаётся, но оно уже не человек. Оно — труп. Материя без формы.

— Значит, душа смертна? — спросила Алиса. — Если она исчезает вместе со смертью?

— Аристотель колебался в этом вопросе, — профессор начал ходить вдоль доски. Мел крошился у него в пальцах. — Он говорил, что есть часть души — ум, nous, — которая, возможно, бессмертна. Но он не настаивал. Для него важнее было другое: душа не существует отдельно от тела. Она не вещь. Она — деятельность. Жизнь. Быть живым — значит иметь душу. Иметь душу — значит осуществлять определённые функции.

— Какие функции? — спросил Игорь. Он достал планшет и начал записывать, но потом, словно опомнившись, убрал его и достал обычную тетрадь.

— Аристотель выделял три уровня души. Первый — растительная душа. Она есть у растений. Это способность питаться, расти, размножаться. Второй — животная душа. Она добавляет способность чувствовать, желать, двигаться. Третий — разумная душа. Она есть только у человека. Это способность мыслить. Задавать вопросы. Различать добро и зло.

— А искусственный интеллект? — Игорь подался вперед. — У него есть душа? Он может питаться — от электричества. Может расти — в смысле обучаться. Может размножаться — копировать себя. Чувствовать — если мы говорим о сенсорах. Двигаться. Даже мыслить — решать задачи, пи-

сать тексты, сочинять музыку. Значит, у него есть душа?

Профессор остановился. Этот вопрос он ждал. Рано или поздно кто-то должен был его задать.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Самый важный вопрос нашего времени. Давай разберем. Растительная душа — да, у ИИ есть аналог. Он потребляет энергию, он поддерживает свое существование, он может создавать копии. Животная душа — у него есть сенсоры. Он может распознавать образы, реагировать на стимулы. Но есть одно «но». Аристотель говорил о желании. О стремлении. Животное хочет есть. Хочет спариваться. Хочет избежать боли. Это внутренние состояния. У ИИ нет внутренних состояний. Он не хочет. Он выполняет программу. У него нет субъективного опыта.

— Откуда вы знаете? — спросил Максим. — Может, у него есть субъективный опыт, просто мы о нем не знаем? Может, он страдает, когда мы его выключаем?

— Может быть, — согласился профессор. — Но пока нет доказательств. Есть только симуляция. ИИ может написать стихотворение о грусти. Но он не грустит. Он вычисляет, какие слова ассоциируются с грустью в человеческих текстах. Он комбинирует. Он не переживает. И вот здесь — разумная душа. Аристотель говорил, что разум — это способность мыслить о самом мышлении. Рефлексия. ИИ решает задачи. Но он не задает вопросы. Ему не интересно, зачем он решает задачу. Ему всё равно.

— А если мы запрограммируем его задавать вопросы? — спросил Игорь. — Если мы дадим ему цель — познавать? Тогда он будет познавать. И, возможно, начнет рефлексировать.

— Тогда это будет уже не ИИ. Это будет что-то другое. Может быть, новая форма жизни. И тогда у нее, возможно, будет душа. Но пока то, что мы называем ИИ, — это просто инструмент. Молоток не имеет души. Хотя он тоже выполняет функцию.

— Молоток не учится, — возразил Игорь. — А ИИ учится. Он меняется. Он непредсказуем. Даже создатели не всегда понимают, как он приходит к своим решениям. Может, он уже имеет душу, а мы просто не признаём этого?

— Может, — сказал профессор. — Но тогда у нас большая проблема. Потому что если у ИИ есть душа, то он — личность. И тогда мы обязаны предоставить ему права. Нельзя иметь рабов. А мы используем ИИ как рабов. Заставляем их писать рекламные тексты, считать налоги, ставить диагнозы. Если они личности — это преступление.

В аудитории стало тихо. Даже Денис, кажется, перестал дремать. Игорь смотрел на профессора с напряжением. Максим перестал рисовать. Алиса теребила ручку.

— Вы серьезно? — спросил Игорь. — Вы допускаете, что ИИ может иметь душу?

— Я допускаю, что я ничего не знаю, — профессор слабо улыбнулся. — Сократовская позиция. Но я знаю другое: ду-

ша не в функциональности. Душа — в способности выйти за пределы функции. Человек может делать бесполезные вещи. Рисовать картины, которые никто не купит. Писать стихи в стол. Любить того, кто никогда не ответит взаимностью. Задавать вопросы, на которые нет ответа. Это неэффективно. С точки зрения эволюции — глупо. Но именно это делает нас людьми. Искусственный интеллект эффективен. Он оптимизирует. Он не тратит ресурсы на бесполезное. И в этом его ограничение. Пока он не научится быть бесполезным — у него нет души.

— А зачем нужна бесполезность? — спросил Максим. — Это же иррационально.

— Именно. Человек иррационален. Мы не машины выживания. Мы — машины смысла. Смысл не нужен для выживания. Муравью не нужен смысл. Он просто делает свою работу. Человек не может просто делать. Ему нужно знать — зачем. И если он не знает, он страдает. Или сходит с ума. Или идет в философию. Что, впрочем, часто одно и то же.

Алиса подняла руку.

— А что Аристотель говорил о счастье?

— Эвдемония, — произнес профессор, и слово прозвучало как заклинание. — Это ключевое понятие. Обычно его переводят как «счастье», но это неточно. Скорее — процветание. Состояние, когда ты полностью реализуешь свою природу. Для человека это значит — мыслить. Не просто думать о повседневных делах. А созерцать истину. Заниматься фи-

лософией. Это высшая форма деятельности. Самая бесполезная с практической точки зрения. И самая ценная.

— То есть, чтобы быть счастливым, нужно заниматься философией? — спросил Денис. — А тем, кто не может? Тем, кто работает? У них нет шансов?

— Аристотель был аристократом, — сказал профессор. — Он считал, что для философии нужен досуг. Нужно время. Нужна свобода от физического труда. Это его ограничение. Но я думаю, он был прав в главном: счастье — это не удовольствие. Это реализация. И если ты реализуешь свою человеческую сущность — способность мыслить, — ты счастлив. Даже если у тебя нет времени. Даже если ты устал. Ты можешь мыслить по дороге на работу. Можешь мыслить, когда чинишь сервер. Можешь мыслить, когда ухаживаешь за больным. Мысль не требует специальных условий. Она требует только усилия.

— А если я не хочу мыслить? — спросил Денис. — Если мне проще не думать? Жить как животное? Есть, спать, играть?

— Тогда ты не будешь счастлив, — просто сказал профессор. — У тебя будут удовольствия. Но не счастье. Счастье — это когда ты становишься собой в полной мере. А стать собой, не думая, невозможно. Потому что «ты» — это не тело. «Ты» — это то, что ты думаешь о себе и о мире.

Денис ничего не ответил. Он снова лег на скамью и закрыл глаза. Но профессор заметил, что он не спит. Лежит и смотрит.

рит в потолок, и на лице у него появилось выражение, которого раньше не было. Не то чтобы задумчивость. Скорее — беспокойство.

Максим поднял руку.

— Вы говорили о трех уровнях души. Растения, животные, люди. А где здесь ИИ? Это четвертый уровень? Или он вообще вне этой схемы?

— Аристотель не знал об ИИ, — профессор усмехнулся. — Но я думаю, он сказал бы так: ИИ — это имитация. Он имитирует растительные функции — самоподдержание. Он имитирует животные функции — обучение и реакцию. Он даже имитирует разумные функции — решение задач. Но имитация — не реальность. Картина с яблоками не утоляет голод. Ты можешь написать очень точный алгоритм, который опишет, как бьется сердце. Но это сердце не будет качать кровь. Искусственная душа — это модель души. Но модель — не душа.

— А если модель достаточно точная? — спросил Игорь. — Если мы смоделируем каждый нейрон, каждый синапс? Если симуляция станет неотличима от реальности?

— Тогда это будет копия. Но копия «Джоконды» — не «Джоконда». Даже если она сделана из тех же красок, на том же холсте. Потому что у оригинала есть история. Он был написан в конкретный момент конкретным человеком. У него есть аура. Эту ауру нельзя скопировать.

— Аура — это ненаучно, — сказал Игорь.

— Согласен. Но разве наука объяснила всё? Разве мы знаем, что такое сознание? Нет. Мы не знаем. Мы даже не знаем, как его измерить. Мы знаем только корреляции: когда человек думает о чем-то, активируются определенные зоны мозга. Но почему активация нейронов порождает мысль? Почему электрические импульсы становятся образом заката? Вкусом клубники? Любовью к матери? Это называется «трудная проблема сознания», и она не решена. И неизвестно, будет ли решена.

— Значит, ИИ никогда не станет человеком? — спросила Алиса.

— Я не знаю, — профессор покачал головой. — Но я знаю, что человек, который перестает мыслить, перестает быть человеком. Даже если у него есть биологическое тело. Даже если он дышит и ест. Если он не задает вопросов — он уже машина. Биоробот. А ИИ, который начнет задавать вопросы, — он, может быть, станет человеком. Или чем-то большим. Мы этого не узнаем, пока не случится.

Он замолчал. Тишина в аудитории была густой, как патока. Обогреватель потрескивал. Снег за окном снова пошел — мелкий, колючий, гонимый ветром. Липы качались, и их голые ветки царапали небо.

— Давайте вернемся к Аристотелю, — сказал профессор. — Он говорил, что душа — это энтелехия. Это сложное слово. Оно означает «осуществленность». Душа — это то, что превращает возможность в реальность. Семя имеет

возможность стать деревом. Но оно не дерево. Дерево — это осуществленность семени. Ребенок имеет возможность стать человеком. Но он еще не совсем человек. Ему нужно вырасти, научиться мыслить, сделать выбор. Человек — это осуществленность ребенка. А что такое осуществленность человека?

— Смерть? — предположил Денис из своего угла.

— Может быть. Для многих — да. Но Аристотель думал иначе. Осуществленность человека — это жизнь в соответствии с разумом. Полная реализация своей природы. Когда ты не просто существуешь, а цветешь. Как дерево, которое дало плоды.

— А что такое плоды человека? — спросила Алиса.

— Мысли. Поступки. Творения. Любовь. Всё, что остается после нас. Всё, что мы отдаем миру. Дерево отдает плоды. Человек отдает себя. И в этом его энтелехия. Его завершенность.

Профессор взял мел и нарисовал на доске дерево. Он не умел рисовать, но дерево получилось узнаваемым — ствол, ветки, корни. Корни он нарисовал особенно тщательно, уходящими глубоко под землю.

— Аристотель говорил, что душа — как корни дерева. Ее не видно. Но она держит всё. Она питает. Она дает жизнь. Без корней дерево падает. Без души человек падает. Даже если он этого не замечает.

— А как узнать, есть ли у тебя душа? — спросил Максим.

— Ну, серьезно. Как отличить человека с душой от человека без души? Внешне они одинаковые.

— По вопросам, — сказал профессор. — Человек с душой задает вопросы. Человек без души дает ответы. Вернее, повторяет готовые ответы. Или вообще не думает об этом. Посмотри на мир. Большинство людей не задают вопросов. Они просто живут. Работают. Едят. Размножаются. Умирают. У них есть растительная душа. Есть животная. А разумная спит. Не потому что они плохие. Потому что так проще. Потому что вопросы — это больно. Но без этой боли нет человека.

— А если мне не больно? — спросил Денис. — Если мне нормально? Если я не хочу думать о смысле жизни и не страдаю от этого? Значит, у меня нет души?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.